

УДК 316.422

Алина Калашникова*кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина***Alina Kalashnikova***PhD in Sociology, Senior lecturer, Department of Applied Sociology and Social Communications, V. N. Karazin Kharkiv National University*

МАССОВЫЕ ОТКРЫТЫЕ ОНЛАЙНОВЫЕ КУРСЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ, УГРОЗЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассматриваются массовые открытые онлайн-курсы (МООК), которые становятся одним из элементов современного образования. МООК анализируются как индикатор процесса (моно)централизации сферы науки и образования. Анализируются последствия использования МООК как одного из видов электронного обучения, риски и проблемы, порождаемые отличиями e-learning от традиционного образования. В частности, скорость реагирования электронного обучения на появление инноваций, неформальность и внепротестивность МООК рассмотрены как факторы дистанцирования традиционного образования от них. Аргументирована определяющая роль телесного соприсутствия не только в конструировании культурного капитала студентов, но и в обучении практикам самоконструирования, которые являются критически важными для его дальнейшего наращивания. Таким образом, избавляющие от информационных неравенств онлайн-курсы служат воспроизводству традиционных социальных неравенств. Утверждается, что в силу доступности и открытости создание таких курсов является попыткой удержать приоритетные позиции в глобальном образовательном и научном поле через манипулирование характером и качеством воспроизводства человеческого капитала.

Ключевые слова: массовые открытые онлайн-курсы, электронное обучение, высшее образование, человеческий капитал, неравенство.

У статті розглядаються масові відкриті онлайн-курси (МООК), що стають одним з елементів сучасної освіти. МООК аналізуються як індикатор процесу (моно)централізації сфери науки і освіти. Аналізуються наслідки використання МООК як одного з видів електронного навчання, ризику і проблеми, породжені відмінностями e-learning від традиційної освіти. Зокрема, швидкість реагування електронного навчання на появу інновацій, неформальність і позапросторовість МООК розглянуто як чинники дистанціювання традиційної освіти від них. Аргументовано визначальну роль тілесної співприсутності не лише у конструюванні культурного капіталу студентів, але й у засвоєнні ними практик самоконструювання, які є критично важливими для його подальшого приросту. Таким чином, онлайн-курси, що позбавляють від інформаційної нерівності, слугують відтворенню традиційних соціальних нерівностей. Стверджується, що в силу їхньої доступності та відкритості створення таких курсів є спробою утримати пріоритетні позиції в глобальному освітньому і науковому полі через маніпулювання характером і якістю відтворення людського капіталу.

Ключові слова: масові відкриті онлайн-курси, електронне навчання, вища освіта, людський капітал, нерівність.

In the present paper the phenomenon of the massive open online courses (MOOCs) becoming an element of modern education is analyzed. MOOCs are analyzed as indicator of the centralization process in science and education. The consequences of MOOCs using as the type of e-learning are regarded, as well as risks and problems arising from the main differences between them and traditional education. In particular, the e-learning's speed of response to the innovation emergence, infor-

mality and non-spatiality of MOOCs are considered as factors distancing the traditional education from them. The role of the corporal commonpresence is regarded as determinative not for only students' cultural capital construction, but also in self-construction practices adoption, that is necessary for its further growth. Thereby, the online courses, which release the information inequality, serve for the reproduction of traditional social inequalities. It is stated that in spite of the accessibility and openness of such courses their creation are to be considered as an attempt to keep the priority position in the global educational and scientific field through the manipulation of the nature and quality of human capital reproduction.

Keywords: massive open online courses (MOOCs), e-learning, higher education, human capital, inequality.

Одной из тенденций последнего времени стало размещение обучающих материалов в свободном доступе в интернете, так что обучение в течение жизни, наконец, и в развивающихся странах перестало быть педагогической абстракцией. Сегодня в сети можно найти такую информацию на любой вкус: от мастер-классов, посвящённых решению конкретной задачи, до циклов лекций, фиксирующих опыт практиков, и виртуальных образовательных сред. Тон этому процессу задают массовые открытые онлайн-курсы (МООК) – виртуальные интерактивные средства, позволяющие обучаться любому человеку на земном шаре, у которого есть доступ к интернету. Такие курсы, как правило, размещаются на специальных платформах и, как следует из названия, нацелены в первую очередь на работу с массовой аудиторией [1]. Программной целью МООК является массовизация (прежде всего высшего) образования, обеспечение возможности учиться для каждого вне зависимости от его индивидуальных трудностей или ограничений. В отличие от узкотематических видеолекций или случайных наборов интересных фактов, во множестве накопленных сегодня социальными сетями и сервисом Youtube, МООК рассчитаны на более длительное взаимодействие и организованы в виде учебно-методических комплексов [2]. Они являются принципиально открытыми, то есть чаще всего не выдвигают к студенту высоких входных требований, предоставляются бесплатно и имеют цель сделать «лучшее в мире образование доступным каждому», как это сформулировано на МООК-портале Coursera (ru.coursera.org). Фактически такие платформы пытаются стать альтернативой очному, дорогому, в первую очередь государственному высшему образованию [3], не только позволив студенту выбирать лучшие из предоставляемых курсов, режим обучения, его скорость, но и предоставляя саму возможность в любой момент жизни учиться тому, что оказалось необходимым или просто интересным.

Традиционные дисциплины, предлагаемые высшими учебными заведениями, выглядят невзрачными на фоне бесплатных или только частично платных, различающихся по форме подачи, глубине освоения, стилю пре-

подавания курсов, поэтому количество участников таких проектов растёт [4]. В Украине с 2014 года существует собственная платформа массовых открытых онлайн-курсов Prometheus (prometheus.org.ua), которая активно взаимодействует с несколькими ВУЗами и тоже позиционирует себя в качестве активного агента изменения института образования и самого процесса обучения. Как отмечает Л. Баева, «социальные риски и проблемы в этой сфере могут быть связаны: с сокращением рабочих мест педагогов; дисфункцией традиционных школ и вузов; потерей «обратной связи» с обучающимися, ее виртуализацией; ослаблением воспитательной, ценностно-формирующей функции образования; монополизацией образовательных услуг; возможностью зомбирования обучающихся, давлением на их личность; утратой возможности социализации учащихся; снижением качества образования при отсутствии индивидуально-личностного подхода к обучающемуся и др.» [5, с. 19]. Впрочем, являются ли МООК всего лишь флуктуацией на определённом этапе развития технологии, или действительно признаком принципиального сдвига в природе обучения, пока невозможно диагностировать достоверно, поскольку эта тема остаётся за рамками магистрального курса отечественной социологии. Однако необходимость анализа социальных последствий образовательного бума, в том числе выгод и рисков для системы высшего образования, определяет актуальность изучения МООК.

Различные формы электронного обучения в развитых странах имеют более длительную историю внедрения и изучения. В частности, уже проводятся исследования социодемографических характеристик и мотивации студентов МООК [6], параметры курсов, качество и удовлетворённость [7], процессы имплементации таких курсов в институционализированное высшее образование [8; 9] и т. п. Являясь поводом для оптимистических прогнозов, растущая популярность МООК, тем не менее, не рассматривается в собственно социологической перспективе. Таким образом, цель статьи – исследовать сущность и социальные эффекты МООК как феномена современного (высшего) образования. Можно предположить, что МООК

– присущая информационному обществу форма развития образования и обучения как способов производства неравенств. «Всем, кто из увеличения общей численности населения, получившего доступ к высшему образованию, делает вывод о «демократизации» студенческой аудитории на факультетах, имеет смысл напомнить, что этот морфологический феномен может скрывать увековечивание статус-кво и даже в отдельных случаях сокращение представительства обездоленных классов, а не только расширение социальной базы рекрутирования» [10, с. 224].

Важность МООК в этом смысле определяется тем, что в современном мире одной из приоритетных задач любого сообщества является обеспечение своей конкурентоспособности на глобальном «рынке». Это подразумевает способность не только воспроизводиться физически и социально, но и осуществлять экспансию, вытесняя другие сообщества (в лице носителей их культурных или других идентичностей и практик) с позиций обладателей и распределителей благ и признания. Поэтому в перспективе значимость приобретает воспроизводство дефицитных социальных ресурсов – накопление, конвертация и трансляция различных форм капитала агентов, в частности, человеческого капитала. Последний понимают как совокупность физиологических, психологических, профессиональных и прочих характеристик человека, которая способна каким-либо образом участвовать в процессе производства и обеспечивать прирост капитала – в первую очередь экономического [10].

Ясно, что для сообщества, закрепившего свою культурную гомогенность в форме государства, модернизация образования является приоритетным направлением политики, в том числе потому, что позволяет поддерживать парсонсовский культурный образец. Но сегодня большинство посещаемых МООК принадлежит ведущим американским университетам. Это позволяет им поддерживать статус лидеров в поле образования, заставляя весь остальной мир перенимать эту методическую инновацию и непременно *уже* опаздывать в её использовании, поскольку даже при условии максимального напряжения образовательные системы развивающихся стран оказываются не в состоянии обеспечить равные или превосходящие по привлекательности и успешности МООК. Таким образом, наиболее активные пользователи интернета, в частности, интеллектуальная молодёжь, становятся реципиентами не только европейско-американской модели исследования по Джону Лоу, но и соответствующе центрированных представлений о развитии науки, методологии исследований и «правильных» паттернов действия, которые стремятся маркироваться как единственно верные. Так,

публикация в престижном научном журнале не просто предусматривает оформление текста и ссылок в соответствии с формальными стандартами, но и требует от украинского учёного изменения темы и её формулировки, задач, стиля и логики изложения, в предельном случае – качественной трансформации модели исследования. Принятие этой (по природе своей ничуть не менее региональной) модели в качестве мирового стандарта научной публикации обеспечивает естественную фору тем, кому не нужно ей дополнительно обучаться.

МООК, не связанные пространственными и временными ограничениями, являются способом построить транснациональные корпорации – только уже не в экономике, а в образовании и науке. Вытеснение региональных ВУЗов на периферию образовательных и научных инноваций приводит к их естественному отмиранию или превращению в филиалы центральных, место которых сегодня стремятся удерживать за собой МИТ, Калифорнийский технологический институт и др. «В обществе, где получение социальных привилегий все более тесно зависит от обладания дипломами, системе образования выпадает не только функция обеспечения незаметной передачи прав буржуазии, которые уже не могут передаваться прямым и открытым образом. Излюбленное средство буржуазной социодидеи, которая придает привилегиям высшую привилегию не выглядеть привилегиями. Школа легко убеждает лишенных наследства, что их учебная и социальная судьба связана с отсутствием у них дарований или заслуг, так же как в области культуры полное ее отсутствие исключает осознание того, чего тебя лишили» [10, с. 220].

Учитывая нарастание конкуренции образовательных учреждений разных стран в рамках глобального общества, на первый взгляд кажется странной сама идея МООК, альтруистически предоставляющих ценную информацию, что противоречит логике конкуренции в экономике знания. Однако эти информационные ресурсы содержат лишь то, что является безопасным (или хотя бы оценено как таковое) с точки зрения стратегического планирования конкурентных отношений – будь то в рамках рынка труда узких специалистов, образовательной среды или взаимодействия культур. Всё, что может быть опубликовано под девизом всеобщего доступа к образованию, с необходимостью служит интересам публикующего, обеспечивая его приоритет в некоторой области и одновременно скрывая действительные инновации в ней.

Первые МООК ориентировались на иницирование и усиление взаимодействий между студентами, которые должны были конструировать свои знания посредством коммуникации друг с другом. Было доказано, что синхронное

обучение (коллективное) положительно влияет на мотивацию и вовлечённость студентов, тогда как асинхронное (в силу этого – индивидуальное) даёт возможность проработать материал более глубоко [11]. Поэтому асинхронные виды электронного обучения адресуются в первую очередь студентам, не имеющим проблем с мотивацией, а синхронные фактически повторяют стандартные аудиторные практики вовлечения отстающих. Тем не менее, в условиях действительно массового обучения (когда количество студентов конкретного курса исчисляется в десятках или сотнях тысяч) коннективистский подход сработал не совсем так, как ожидалось. Как отмечают исследователи одного из первых успешно запущенных МООК, «кажется, что чем больше курс, тем больше взаимодействие стремится превратиться в перебивание и шум. Кроме того, открытые курсы разрастаются на основании взаимосвязанности, прозрачности и разделения, но для многих делиться значит доверять, и чем больше это связано, тем более рискованно и затратно по времени выстраивать доверие»¹ [12, с. 272]. Кроме сложности технической реализации массового онлайн-образования, существуют глубинные социальные факторы, опосредующие степень вовлечённости представителей конкретного сообщества в подобные практики: очевидно, что при низком уровне доверия формальным институциям, обществу, Другим, который свойственен кризисным обществам (например, современному украинскому), построенные на коннективистском подходе МООК не реализуют свой образовательный потенциал в полной мере.

Знания и навыки, презентуемые с помощью МООК, могут рассматриваться как эквивалентные таковым в соответствующих программах традиционного образования. Однако являются ли сравнимыми по объёму и качеству капиталы, приобретаемые в том и другом случаях? Несмотря на техническую возможность уже сейчас перейти на модель онлайн-образования в лучших университетах развитых стран, они не спешат так поступать. Мы предполагаем, что основным фактором такого выбора является способность очного обучения производить более качественный продукт – выпускника с большим объёмом различных видов капитала.

Увеличение стоимости / объёма человеческого капитала вообще и в каждом индивидуальном случае реализуется путём приобре-

тения уникальных умений и навыков. Такое приобретение подразумевает длительный целенаправленный контакт с человеческим капиталом в его объективированном состоянии – то есть внимательное ознакомление с обучающей литературой, созданной обладателями символической власти в профессиональном поле, сознательное включение в образовательные практики, которые формируют специфические навыки [13, с. 25-26]. Источником прироста инкорпорированного человеческого капитала является количественное и качественное изменение содержания образования. На совокупную стоимость человеческого капитала также оказывают влияние качество производственных инноваций и скорость их включения в комплекс знаний, транслируемых системой профессионального образования. Так, например, эффективный маркетинговый приём, избранный одним из участников рынка, становится образцом действия для других практикующих участников. При этом пауза между его появлением и включением в образовательные программы подготовки маркетологов длится несколько дольше – ровно столько, сколько требуется для усвоения идеи всеми участниками, превращения её в общее место, рефлексии обладателей капитала и его включения в необходимый минимум в форме объективированного знания – книг, статей, лекций. В этой паузе суммируется время, затрачиваемое на: (1) распространение знания об инновации в сообществе практиков, (2) проникновение этого знания в сообщество деятелей образования (educators), (3) формальную легитимацию его институтом образования. Современное развитие коммуникационных технологий значительно ускорило процессы обмена информацией, потенциально уменьшая до незначимого минимума время-(1). Однако время-(2) является следствием существования естественного барьера между различными профессиональными группами, проницаемость которого опосредуется социальными факторами в большей степени, чем собственно коммуникационными. Время-(3) зависит от соответствия инновации критериям научного знания, то есть от её практической проверяемости, от предсказуемости последствий применения и т.д. Таким образом, пауза между появлением паттерна действия и изучением / включением в образовательные программы государственного образца обязательно существует как временная буферная зона, необходимая для проверки действительной эффективности инновации, кристаллизации её в виде чёткого наукообразного описания закономерности. Именно с этой точки зрения МООК часто подвергаются критике из-за потенциальной опасности создания курсов, не отражающих реальное состояние дел в какой-либо области, курсов, имеющих низкую или отрицательную об-

1 Оригинал: «It seems that the larger the course, the more potential for interaction to degenerate into interference and noise. In addition, open courses thrive on interconnectedness, transparency and sharing, but sharing for many people requires trust, and the more connectedness there is, the more time-consuming and hazardous it may be to build trust».

разовательную ценность, основывающихся на недоказанных разработках или инновациях, подготовленных недостаточно компетентными преподавателями, наконец, курсов весьма сомнительной ценности. Эти проблемы призвана решить социальная модерация – определение наиболее популярных, качественных курсов, периодический пересмотр программ и т. п. Однако естественная невозможность обеспечения полной объективности в этом случае приобретает угрожающие размеры именно в силу этической доктрины добровольного участия, а значит, открытости МООК для всех, кто хочет поделиться каким-либо знанием [12] или – как мы отметили выше – скрыть или замедлить его распространение.

В основе риторики, связанной с оценкой перспектив электронного обучения, находится вопрос рассмотрения новых массовых медиа (в том числе поисковых платформ, социальных сетей, МООК и других сервисов) как явления, проецирующего социальное со-бытие на виртуальное пространство – или же, наоборот, кардинально изменяющего саму суть человеческого взаимодействия. Теоретики МООК, очевидно, склоняются ко второму подходу, предлагая рассматривать интерактивность социальной коммуникации с преподавателем или с соучениками как ключевой инструмент конструирования знания. Оно понимается как нечто, не существующее здесь-и-сейчас, а распределенное по сетям связей, активизация которых, по сути, и есть обучение [14, с. 149]. Л. Моргадо [1] выделяет следующие виды методик, используемых в МООК, в соответствии с преобладающими целями обучения:

- ассоциативные: эффективное запоминание информации;
- конструктивные: творческие поиски и накопление навыков самостоятельной работы;
- диалогические: накопление коммуникативных навыков, умений лидерства и командной работы. Здесь получает полную реализацию коннективистский подход к обучению;
- практические: практика является наиболее ценной с точки зрения инкорпорации навыков, но она возможна для МООК в задаваемых виртуальной средой рамках (моделирование, игры, участие в социальных сетях «вокруг и около» проектов), или в формате дополнительных очных встреч с географически близко обитающими сокурсниками.

Очевидным является то, что эти методики, по сути, повторяют таковые в традиционном обучении. Интернет-коммуникация увеличивает доступность и скорость получения информации, интенсивность общения, при этом технически ограничивая *практичность* получаемого знания. Несмотря на то, что преподавателями МООК часто становятся практикующие специалисты, дистанционный характер

коммуникации мешает говорить о сопоставимом объеме практики в традиционном обучении и МООК, причём это касается не только специальностей, где превалирует обучение «навыкам тела» (например, медицина), но и «навыкам разума». Аргументом в пользу приведенных замечаний служат результаты качественного исследования преподавателей украинских ВУЗов «Потенціал, сприйняття, оцінка електронної освіти» (полуформализованное интервью, 2016, n = 41). Готовность современных украинских студентов принимать участие в электронном образовании в целом оценивается как достаточно низкая, поскольку она пока не предоставляет преподавателю никаких возможностей инициировать командную работу вне аудитории, заинтересовать студента и убедиться, что он самостоятельно выполняет свою домашнюю работу. Виртуальная среда способствует также дискретности получаемых знаний: хотя МООК-платформы стремятся продуцировать системно выстроенные последовательности курсов, они никогда не овладевают вниманием студента полностью – как в отношении обучения на базе конкретной платформы, так и в отношении последовательности курсов, и, наконец, единичности или хотя бы приоритетности фокуса внимания [15]. Окно браузера, в котором открыт МООК, вряд ли останется в одиночестве. Это значит, что МООК не столько развивают в студенте нетипичную для интернет-пользователя способность к долгой концентрации внимания, сколько требуют её как необходимого условия успешного окончания, чему служит косвенным подтверждением очень небольшой процент тех, кто всё-таки их заканчивает [3]. Так, в нашем исследовании преподаватели оценили наличие доступа к интернету положительно как доступ к источникам знания, свободному обмену данными, научным инновациям, но отметили, что среди студентов использовать эти функции склонны единицы. Качество образования в e-learning (и тем более в МООК) связано не столько с дефицитными знаниями или старательностью преподавателя, сколько с мотивацией студентов, их способностью к самовоспитанию. Без этого выпускник становится, по определению одного из информантов, «универсальным дилетантом», поэтому для современного высшего образования приоритетным заданием является формирование у студентов самостоятельности, критического мышления, способности старательно работать и функционально использовать информационные ресурсы. Обеспечение всего этого наши информанты связывают в первую очередь с сохранением очных практик традиционного образования: в частности, преподаватели оценили ситуацию замены традиционного образования электронным как невозможную, объясняя это незаменимостью персо-

нального влияния, личного контакта в аудиторном образовании. Электронные среды, по их мнению, должны быть использованы только для трансляции знаний, в то время как трансляция навыков должна происходить в рамках аудиторных занятий. В такой резкой недооценке потенциала электронных технологий в образовании, конечно, играет роль и недостаточная компетентностная готовность преподавателей к их использованию, и привычка к аудиторным способам обучения (лекция), и относительно большее эмоциональное удовлетворение от последних. Однако всё это не могло бы служить достаточно веской причиной для сохранения традиционных аудиторных практик, если бы электронное обучение, в частности МООК, доказало свою абсолютную эквивалентность аудиторному. Однако этого пока не произошло и, по мнению как украинских, так и зарубежных представителей образовательного сообщества, не произойдёт и дальше.

На наш взгляд, причина неабсолютного успеха МООК может быть объяснена в рамках социологического «поворота к объектам», который в нашем случае реализуется как «поворот к человеческой объектности». Виртуально присутствующий студент, казалось бы, не теряет ничего, кроме самого соприсутствия с преподавателями и однокурсниками в одном и том же сегменте физического пространства. Ценность этого соприсутствия самого по себе состоит в том, что опыт, полученный в связи с телом, сохраняет знания / капиталы социального субъекта более эффективно, чем опыт, который с телом не связан (не *инкорпорирован* в собственном смысле слова). Так «вынесенная память» компьютера, в которой сохранена учебная литература, принадлежит владельцу компьютера и воспринимается им как собственность и (до определённого предела) как расширенный вариант его собственной памяти. Однако то, что в ней хранится, не становится знанием или навыком до тех пор, пока не будет вписано в структуры тела – путём операций прочтения (фиксации зрительных органов, а иногда и всего тела, в пространстве на некоторое время) или усвоения в опыте деятельности (отработки жестовых и логических паттернов до их закрепления в памяти тела). Любопытно, что даже в случае восприятия текста «участники предпочли бы смотреть на руку, пишущую уравнение или предложение на бумаге, чем глазеть на ту же бумагу, где всё уже написано»² [16] – и это, на наш взгляд, находится в прямой связи со свойством человека учиться через подражание. Причём подражание это, как видно из приведенной цитаты, ка-

сается не только деятельности, реализующейся непосредственно в физическом пространстве и изменяющей его (что справедливо, например, для искусства), но и менее легко наблюдаемых во внешнем поведении паттернов логического и не только логического мышления.

Соприсутствие в физическом пространстве, маркированном как образовательное, реализует обучение стратегиям, паттернам инкорпорирования как таковым, практикам самоконструирования [17]. «Власть в лице учителя имеет власть над временем, обеспечивает контроль над ним и гарантирует его использование. «Дисциплина» как способ организации традиционной образовательной практики, безусловно, обеспечивает исчерпывающее использование времени: каждому моменту времени соответствует тот или иной вид деятельности» [18, с. 47]. Здесь физическое пространство выступает местом формирования социально значимых характеристик обучаемого субъекта через подражание наблюдаемым практикам обучающего, инкорпорированным в его живую телесную форму. Ясно, что такое влияние невозможно заменить виртуальными аналогами до того, как появится техническая возможность включения в нетелесный опыт субъекта новых знаний с той же степенью безусловности, с какой они включаются в память тела или память о теле. Однако, вероятно, и после появления такой возможности очное обучение сохранится в виде способа производства привилегий – скорее, даже больших, чем в до-массовую эпоху.

Массовизация высшего образования даёт возможность закрепить различие обладающих символической властью и не обладающих ею через противопоставление онлайн- и офлайн-обучения. Сегодня это можно наблюдать на примере соотношения символической значимости простого участия в МООК (бесплатно), участия в тех же курсах с получением документального подтверждения (объективации полученного знания – которая требует оплаты, соответственно, функционирует скорее в логике традиционной образовательной системы, чем принципиально нового альтруистского подхода) и получения высшего образования (очного или дистанционного) в вузе, где МООК могут быть зачтены как академические кредиты. Мотивацией для первого варианта прохождения МООК является чистая жажда знаний, тогда как для второго – желание получить прирост личного культурного капитала. В последнем случае МООК используются лишь как один из элементов институционализированного обучения – то есть более дорогого, неудобного, менее широко доступного процесса, который, тем не менее, оценивается как сообщающий выпускнику больший объём капитала. Последний вариант, с нашей точки зрения, представляется

2 Оригинал: «participants would rather watch a hand writing an equation or sentence on paper than stare at the same paper with writing already on it»

наиболее релевантным способом использования МООК в (высшем) образовании.

Выводы. В постиндустриальном обществе образование – постоянно длящийся процесс, который позволяет циклично обновлять профессиональные знания и навыки, усваивать инновации, тем самым наращивая объём и дефицитную специфичность индивидуального капитала. Индивидуальный подход в современном образовании становится необходимым минимумом, так что в идеальном случае итоговая совокупность у- и освоенных учащимся знаний и навыков приобретает неповторимость (и неотчуждаемость) отпечатка пальца. Однако ригидность института образования, возникающая из-за паузы между появлением инновации и её повсеместным принятием, приводит к постоянному отставанию учебных программ от ситуации реального производства. Выпускники учебных заведений никогда полностью не соответствуют требованиям работодателей, которые вынуждены дополнительно обучать

работников под конкретную ситуацию, увольнять специалистов, чьи навыки устарели, или дополнительно нанимать обладателей необходимых навыков. Это приводит к беспрецедентно широкому распространению самообразования, являющегося простейшим индивидуально доступным способом обеспечить конкурентоспособность работника на рынке труда. Техническое совершенствование новых средств коммуникации позволяет осуществлять передачу практически всех форм информации быстро и эффективно, что увеличивает скорость воспроизводства человеческого капитала, но дискретизирует специальные знания на личностном уровне. Таким образом, массовые открытые онлайн-курсы, сокращая информационное неравенство, генерируют возможности для углубления иных неравенств, что является перспективным направлением исследований интернет-пространства через призму социологии.

Литература

1. Курзаева Л. В., Григорьев А. Д. Массовые открытые онлайн курсы: сущность, специфические характеристики / Л. В. Курзаева, А. Д. Григорьев // Новые информационные технологии в образовании. – 2015. – № 8. – С. 250-253.
2. De Waard I. et al. Exploring the MOOC format as a pedagogical approach for mLearning. / I. De Waard, A. Koutropoulos, N. Keskin, S. Abajian, R. Hogue, C. Rodrigues, M. Gallagher // Proceedings of 10th World Conference on Mobile and Contextual Learning, 2011. – Pp. 149-156.
3. Бадарч Д., Токарева Н., Цветкова М. MOOK: реконструкция высшего образования / Дендев Бадарч, Наталья Токарева, Марина Цветкова // Высшее образование в России. – 2014. – № 10. – С. 135-146.
4. Дмитриевская Н. А. Массовые открытые онлайн курсы как инструмент повышения эффективности образования за счет обеспечения соответствия перспективным тенденциям социально-экономического развития / Н. А. Дмитриевская // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2014. – № 6. – С. 23-27.
5. Баева Л.В. Исследовательские мегатренды в условиях информационного общества и проблемы социокультурной безопасности / Баева Людмила Владимировна // Информационное общество. – 2015. – № 2-3. – С. 13-24.
6. Christensen G. et al. The MOOC phenomenon: who takes massive open online courses and why? [Electronic source] / G. Christensen, A. Steinmetz, B. Alcorn, A. Bennett, D. Woods, E. Emanuel // SSRN 2350964 – URL: http://m4ed4dev.lnhost1.jbsinternational.com/sites/default/files/the_mooc_phenomenon.pdf (assessed 27.08.2016).
7. Adamopoulos P. What makes a great MOOC? An interdisciplinary analysis of student retention in online courses [Electronic source] / P. Adamopoulos // Proceedings of the Thirty Fourth International Conference on Information Systems, Milan 2013. – URL: <http://pages.stern.nyu.edu/~padamopo/What%20makes%20a%20great%20MOOC.pdf> (assessed 20.10.2016).
8. Breslow L. et al. Studying learning in the worldwide classroom: Research into edX's first MOOC / L. Breslow, D. Pritchard, J. DeBoer, G. Stamp, A. Ho, D. Seaton // Research & Practice in Assessment. – 2013. – № 8. – Pp. 13-25.
9. Bruff D. et al. Wrapping a MOOC: Student perceptions of an experiment in blended learning / D. Bruff, D. Fisher, K. McEwen, B. Smith // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. – 2013. – Vol.9. – No.2. – P. 187-199.
10. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории образования / П. Бурдые, Ж.-К. Пассрон. – М.: Просвещение, 2007. – 267 с.
11. Hrastinski S. Synchronous & Asynchronous E-learning / Stefan Hrastinski // Educause Quarterly. – 2008. – No. 4. – Pp. 51-55.
12. Mackness J., Mak S., Williams R. The ideals and reality of participating in a MOOC / J. Mackness, S. Mak, R. Williams // Proceedings of the 7th International Conference on Networked Learning 2010. – Lancaster: University of Lancaster, 2010. – Pp. 266-275.
13. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 20-32.
14. Бугайчук К. Л. Массовые открытые дистанционные курсы: история, типология, перспективы / К. Л. Бугайчук // Высшее образование в России. – 2013. – № 3. – С.148-155.
15. Браславский П. И. Тело как интерфейс: антропологические аспекты современных коммуникаций / П. И. Браславский // Эпистемы. – 2004. – Вып. 3: Язык. Дискурс. Текст.: материалы межвузовского семинара: альманах. – С. 156-165.
16. Pappano L. The Year of the MOOC / L. Pappano // The New York Times. – 2012 – 2.11.12.
17. Азаренко С.А. Сообщество тела / С.А. Азаренко. – М.: Академический Проект, 2007. – 239 с.
18. Копылова С. В. Техники дисциплинирования в традиционной образовательной практике / С. В. Копылова // Современные наукоемкие технологии. – 2004. – № 5. – С. 47-48.